

СОБРАНІЕ ПОЭЗЪ

ТОМЪ XI

ИГОРЬ-СЪВЕРЯНИНЪ

ВЕРВЭНА

ПОЭЗЫ 1918—19 г.г.

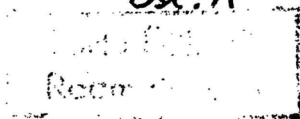

~~41985~~

ИЗД. „ОДАМЕСЬ“ А МСМХХ

Всѣ поэзы этого тома, за исключеніемъ помѣ-
ченныхъ 1918 г., написаны въ январѣ 1919 г., при
чѣмъ всѣ написаны въ Эстоніи, на курортѣ Тойла.
Поэза „Музѣ музыка“ написана въ Ревелѣ.

Est. A

28305

245072218

Типографія Ол. Бергмана, Юрьевъ.

I

ЖЕМЧУГЪ ПРИЛИВА

Интродукція

Вербена, устрицы, луна и море,
Порабощенный дѣснаей Демонъ —
Вотъ книги настоящей тема,
Чаруйной книги о Святомъ Аморѣ.

Она, качелящая ваши грёзы,
Утонченныя и больныя,
Приобрѣтаетъ то льняные,
То вдругъ стальные струнные наркозы.

Всмотритесь пристальнѣе въ эти строки:
Въ нихъ — обрѣтенная утрата.
И если духъ дегенерата
Въ нихъ вѣсть, помните: всему есть сроки...

Устрицы

О, замороженная льдомъ
Вы, подъ олуненнымъ лимономъ,
Своимъ муарнымъ морезвономъ
Заполонившія мой домъ,
Зеленоустрицы, — чей пискъ
И моря влажно-солевой запахъ —
Въ отгѣнкахъ всевозможныхъ самыхъ —
Вы, что воздвигли обелискъ
Изъ вашихъ раковинъ, — мой взоръ,
Взоръ вкуса моего обнищенъ:
Онъ больше вами не насыщенъ, —
Во рту растаялъ вашъ узоръ...

Припоминаю васъ съ трудомъ,
Готовый перерѣзать вены,
О, съ луннымъ запахомъ вервѣны
Вы, замороженная льдомъ !

Ликеръ изъ вервэны

Ликеръ изъ вервэны — грёзэрки ликеръ,
Какихъ не бываетъ на свѣтѣ,
Разставилъ тончайшія сѣти,
Въ которыя ловить эстетовъ — Аморъ
Искусно.

Луною наполненъ сомнамбуль фужеръ
И устричнымъ сердцемъ, и моремъ.
И тотъ, кто ликеромъ аморимъ,
Тому орхидейное нѣжить драже
Ротъ вкусно.

Уста и фужеръ сѣтью струнъ сплетены,
При каждомъ глоткѣ чуть звенящихъ,
Для насъ — молодыхъ, настоящихъ —
Для насъ, кто въ Сейчасъ своего влюбленъ
Истому.

Лишь тотъ, кто огрансенъ, блестящъ, вдохновенъ,
Пойметъ тяготѣнье къ ликеру,
Зовущему грёзы къ узору,
Къ ликеру подъ именемъ: Crème de verveine —
Больному.

При свѣтѣ тьмы

Мы — изверженныя съ душой изустреченною.
Лунно-изнервленныя у насъ умы.
Тоны фіолевыя и тѣни сумеречныя
Мечтою болѣзненной такъ любимъ мы.

Пускай упадочныя, но мы — величественныя.
Пусть неврастеники, но въ свѣтѣ тьмы
У насъ заданія, вѣку приличественныя,
И соблюдаемъ ихъ фанатно мы.

Фанатики изборовъ

Мы — фанатики нашихъ изборовъ,
Изысковъ, утонка.
Мы чувствуемъ тонко
Тѣмъ, что скрыто подъ шолкомъ проборовъ,
Тѣмъ, что бьется подъ легкимъ, подъ лѣвымъ, —
Подъ лѣвымъ, подъ легкимъ.
Мечтамъ нашимъ крохкимъ
Путь знакомъ къ безсѣмяннымъ посѣвамъ.
Не подвержены мы осязанью
Анализа грубыхъ.
Въ ихъ грохотныхъ трубахъ —
Нашимъ нервамъ и вкусамъ терзанье.
Пусть структура людей — для заборовъ:
Структура подонка.
Мы созданы тонко:
Мы — фанатики нашихъ изборовъ.

Морефея

Флаконъ вервэны, мною купленный,
Ты выливаешь въ ванну
И съ бровью, ласково-наsupленной,
Являешь Монну-Ванну.

Правдивая и героичная
Ты вся всегда такая...
Влечешь къ себѣ, слегка циничная,
Меня не отпуская.

И облита волной вервэновой,
Луной и моремъ вѣя,
Душой сиренево-сиреновой
Поешь, какъ морефея.

Бѣлый трансъ

Ночью, вервѣной ужаленной, —
Майскою, значить, и бѣлой, —
Что-нибудь шалое дѣлай,
Шалью моею ошаленный.

Грезь о лунѣ, лишь намѣкнутой,
Но не свѣтящей при свѣтѣ
Ночи, невинной какъ дѣти,
Грѣшной, какъ ножъ, въ сердце воткнутой.

Устрицы, острая устрицы
Ѣшь, ошабливъ, олимонию.
Грѣзы, какъ мозгные кони,
Пусть въ головѣ заратустраются.

Выплыви въ блѣклое, штильное
Море, замлѣвшее майно.
Спой, опьянѣвши ямайно,
Что-нибудь бѣлое, стильное...

Лунные блики

Лунные слезы легких льнущих ко льну сом-
намбуль.

Ласковая лилейность лилий, влюбленных въ плѣнь
Липкихъ зеленыхъ листьевъ. Въ волнахъ полѣты
камбаль.

Плоскихъ, уклонно-тѣлыхъ. И вдалекѣ — Мадленъ

Лѣнь развѣтвленій клѣна, вылинявшаго ало.

Палевыя поляны, полная сладкихъ силъ.

Лютиковыя лютни. Въ прожилкахъ фоль опала.

Милая бѣлолебедь въ свѣтломъ раскрыльи крыль.

Лучше скользить ланно къ солнечному Граалю.

Кроликовъ ланно-бликихъ ловко ловить въ атласъ

Платьевъ лиловыхъ въ блѣсткахъ. Пламенно ликъ
реалю

И, реализмъ качеля, плачу печалью глазъ.

Чары Лючинь

Лючинь печальная читала вечеромъ ручьиство-
вкрадчиво,
Такъ чутко чувствуя журчащій вычурно чужой ей
плачь,
И въ человѣчествѣ чтя нѣчто вѣчнѣе, чѣмъ чушь
Боккаціо.
Отъ чарь отчаянья кручинно-скучная, чла часть
удачь.

Чериѣла, чавкая чумазой нечистью, ночь безконечная,
И чолны чистые, какъ пчолы-птенчики безрѣчныхъ
встрѣчь,
Чудили всячески, отъ качки съ течами полоувѣчныхъ,
Чьи очи мрачныя изъ чисель чудную чеканять рѣчь.
Чѣмъ, — чайка чоткая, — въ часы безпечные мечтой
пречистою
Отлично-честная Лючинь сердечная лечила чадь,
Порочныхъ выскочекъ? Коричне-глетчерно кричить
лучистое
Въ качалкѣ алчущей Молчанье чахлое, влача
волчать...

Образъ прошлаго

Я слышу въ плескъ весла галеръ,
Когда заливъ заснетъ зеркально :
Судьба Луизы дэ-Лавальеръ —
И трогательна, и печальна.

Людовикъ-Солнце, какъ кавалеръ,
Зналъ тайну страсти идеально.
Судьба Луизы дэ-Лавальеръ
Всё-жь трогательна и печальна.

Когда день вешній нежданно-сѣрь,
И облака бѣгутъ повально,
Судьба Луизы дэ-Лавальеръ
Такъ трогательна и печальна.

Пусть этотъ образъ изъ прежнихъ эръ.
Глядитъ и тускло, и банально :
Судьба Луизы дэ-Лавальеръ
Всегда плѣнительно-печальна.

У окна

Въ мое окно глядитъ луна.
Трюмо блистаетъ элегантно.
Окно замёрзло бриллиантно.
Я онѣмѣла у окна.

Луна глязить въ мое окно,
Какъ нѣкій глазъ потусторонняго.
Съ мечтой о немъ, молю: „Не тронь его,
Луна: люблю его давно“...

Еъ мое окно луна глядитъ
То угрожающе, то вкрадчиво.
Молюсь за чистаго, но падшаго
Въ порокъ, съ отчаяньемъ въ груди.

Луна глядитъ въ окно мое,
Какъ въ трансъ пришедшая пророчица.
Ахъ, отчего же мнѣ такъ хочется
Переселиться на нее?...

Цвѣты, какъ крылья

Въ долини́ Святой рѣки
Крылять цвѣты-мотыльки,
Крылять цвѣты-мотыльки
Бѣлоснѣжные.

Изъ снѣга они торчатъ,
Какъ уши моихъ зайчатъ,
Какъ уши моихъ зайчатъ:
Уши нѣжныя.

Сквозь снѣгъ они ввысь растутъ
Въ долини́ и тамъ, и тутъ,
Въ долини́ и тамъ, и тутъ —
Шолкостружныя.

Шуршаще, такъ легки
Цвѣточныя мотыльки,
Цвѣточныя мотыльки —
Грѣзокружныя. . .

Дизэль I

Вѣтеръ ворвался въ окно —
Вѣтеръ весенній,
Полный сирени...

Мы не видались давно, —
Вѣтеръ ворвался въ окно,
Полный видѣній...

Скучно, и въ сердцѣ темно:
Нѣтъ воскресеній
Прежнихъ мгновеній...

Вѣтеръ ворвался въ окно.

Дизэль II

Проплываеть вдали канонерка.
Надъ кружкомъ камамбера
Ты читаешь Флобера.

И зачѣмъ тебѣ видѣть, грѣзерка,
Какъ плыветъ идалекѣ канонерка:
Вѣдь корабль — не гетера...

Вдругъ снарядъ, — и твоя этажерка,
Гдѣ стихи эксцессера,
Тлѣетъ ичерно-сѣро . .

Такъ плыветъ вдалекѣ канонерка...

Кэнзель XI

Миньона, Мирра, Ингридь и Балькись, —
Сліянныхъ во едино ихъ четыре,
Извѣчнымъ украшеньемъ въ этомъ мірѣ
Проведшихъ жизнь, и вотъ воспѣть на лирѣ,
Прославить ихъ — начертанъ мной девизъ.

Отъ каждой взявъ, что въ каждой характерно,
По качествамъ оцѣнивая вѣрно,
Миньону, Мирру, Ингридь и Балькись
Я превращаю въ пятаю. Ильферна —
Вотъ имя ей: такъ хочеть мой капризь.

И въ этотъ годъ, когда, какъ бичъ, навись
Надъ міромъ громъ неотвратимой кары,
Да отразить кровавые удары
Ильферна, въ комъ свои сокрыли чары
Миньона, Мирра, Ингридь и Балькись.

Кэнзель XII

Птицы въ воздухѣ кружатся
И летять, и поють,
И, летя, отстають,
Отставая, зовуть . . .
Воздухъ сѣверный южится.

Не считая минутъ,
Безъ печали, безъ смуть,
Птицы въ воздухѣ кружатся.
Мотыльки тамъ и тутъ
Золотисто жемчужатся.

Стаи бѣлыя вьюжатся
Мотыльковыхъ причудъ,
Воздухъ золотомъ ткуть . . .
Бросивъ травъ изумрудъ,
Птицы въ воздухѣ кружатся.

Газелла IV

Сѣрый заяцъ плясалъ на полянѣ.
Лунный свѣтъ трепеталъ на волянѣ.

Въ сини глазъ загорѣлся восторгъ.
Подойдя, я стоялъ на полянѣ.

Вотъ второй, вотъ и третій бѣгутъ, —
Собрались старъ и малъ на полянѣ.

Я смотрѣлъ на дикозинный плясъ
И на заячій балъ на полянѣ.

Всѣ танцуютъ: прыжокъ за прыжкомъ.
Блекнетъ лунный опалъ на полянѣ.

Газелла V

Да, ты поѣхала кататься, съѣвъ въ голубой кабриолеть.
Покачивается рессорно твоей судьбой кабриолеть.

Покачивается рессорно, стремясь на рокотный
пуантъ,
Твоей голубой, идущий гордо — вѣдь онъ съ тобой! —
кабриолеть.

Откинулась ты на подушки. Спать на колѣняхъ
томъ Жоржъ Зандъ.
Качелить сонъ старинной книги твоей морской
кабриолеть.

Его рессоры — точно волны. Имъ управляетъ
лейтенантъ.
Онъ такъ похожъ на миноноску — твой огневой
кабриолеть.

Сама же ты — угрознаѣ мины: на твой чарующій
талантъ
Кто натолкнется, тотъ взорвется. О, роковой
кабриолеть!

Газелла VI

Пріѣзжай ко мнѣ обязательно, пріѣзжай.
Эта встрѣча мнѣ такъ желательна. Пріѣзжай.

Привези съ собой ноты новые и стихи:
Ты читаешь ихъ увлекательно. Пріѣзжай.

Привези съ собой свой сиреневый пеньюаръ:
Въ немъ ты, нѣжная, такъ мечтательна. Пріѣзжай.

Привези съ собой брилліантовое кольцо:
Красота твоя въ немъ блистательна. Пріѣзжай.

Привези съ собой сердце ласковое свое:
Ахъ, поетъ оно обяательно. Пріѣзжай!

Газэлла VII

Твоихъ невоплотимыхъ глазъ, Ильферна моя,
Никто не цѣловалъ изъ насъ, Ильферна моя.

А кто бы ихъ увидѣть могъ, тотъ не жилъ бы дня.
Когда бы въ нихъ взглянуть хоть разъ, Ильферна моя.

Тебѣ одной дары міровъ, сіянье огня,
Цвѣты, восторги и экстазъ, Ильферна моя.

Тебѣ, одной тебѣ, поетъ и лира, звеня.
Тебѣ хвалу воздастъ Парнасъ, Ильферна моя.

Я твой, я безраздѣльно твой! люби же меня!
Тебя увижу въ смертный часъ, Ильферна моя!

Газэлла VIII

Ты любишь ли звеня персидскихъ газэллъ, —
изыска Саади?

Отвѣтитъ созвучно ему ты хотѣлъ, изыску Саади?

Ты знаешь, какъ внутренне рифмы⁴ звучать въ
персидской газэллѣ?

Въ нечетныхъ стихахъ, ты замѣтилъ, звукъ бѣлъ —
въ изыскѣ Саади?

Тебя не пугалъ однотонный размѣръ въ газэлловомъ
стилѣ?

Поймать, уловить музыкальность сумѣлъ въ
изыскѣ Саади?

Такъ что же такъ мало поэты у насъ газэллъ на-
писали?

Вѣдь только Кузминъ былъ восторженно-смѣлъ
съ изыскоу Саади...

Звените, газэллы — газельи глаза! и пойте, какъ
пѣли

На родинѣ вашей, гдѣ быть вамъ велѣлъ изыскомъ
— Саади!

Рондо XIX

Вєрвѣна, упоенная морской
Муаровой волной, грустный Лювѣна,
Овѣяла меня своей тоской
Вєрвѣна.

И подъ ея влїяньемъ вдохновенно
Я началъ пѣть глаза Манонъ Леско,
Смотрящіе мнѣ въ душу сокровенно.

Возникъ въ душѣ улыбочивый покой.
Она свята, какъ древняя Равенна :
То льется въ душу лункою рѣкой
Вєрвѣна.

Рондо XX

Пока не поздно, дай же мнѣ отвѣтъ,
Молю тебя униженно и слёзно,
Далекая, смотрящая мимозно:
Да или нѣтъ? отвѣтъ — да или нѣтъ?
Поэзно „да“, а „нѣтъ“ — оно такъ прозно!

Сліянныя мечты, но бьются розно
У насъ сердца: тускнѣеть въ небѣ свѣтъ . . .
О, дай мнѣ отзвукъ, отзнакъ, свой привѣтъ,
Пока не поздно.

Ты вдалекѣ. Жизнь превратилась въ бредъ.
И молнія, и громъ грохочетъ грозно.
И такъ давно. И такъ десятки лѣтъ.
Ты вдалекѣ, но ты со мною грѣзно.
Дай откликъ мнѣ, пока я не скелетъ,
Пока не поздно! . .

Рондель XV

Ея весёлая печаль,
Ея печальная весёлость . . .
Саней задернутая полость,
И теплая у губъ вуаль.
Какая тяга въ зовы миль!
Какая молодая смѣлость!
Въ душѣ — весёлая печаль,
Въ душѣ — печальная весёлость.
Въ мечтахъ — кабинки, пляжъ, Трувиль
Вокругъ — зимы нагая бѣлость.
Въ устахъ — коралловая алость..
Въ ушахъ — весенняя свирѣль.
Въ глазахъ — весёлая печаль.

Сонетъ XXX

Петрарка и Шекспиръ, и Бутурлинъ
(Пусть мнѣ простятъ, что съ геніями рядомъ
Поставилъ имя, скромное нарядомъ . . .)
Сонетъ воздвигли на престолъ вершинъ.

Портной для измѣренья взялъ аршинъ.
Поэтъ окинулъ нео-форму взглядомъ
И, напитавъ ее утопій ядомъ,
Сплёлъ сътъ стиховъ для солнечныхъ глубинъ.

И вотъ, сонета выяснивъ секретъ,
Себѣ поэты выбрали сонетъ
Для выраженья чувствъ, картинъ, утопій.

И отъ Петрарки вплоть до нашихъ дней
Сонетъ писали тысячи людей, —
Оригиналъ, ты потускнѣлъ отъ копій! . .

Баллада XXI

Витаеть крыльный вѣтерокъ
Надъ звѣздочными васильками,
Надъ лентой палевыхъ дорогъ,
Надъ голубыми ручейками.
Витаеть на восточной Камѣ,
Какъ и на западной Двинѣ,
И цвѣтовѣйными устами
Цѣлуеть поле въ полуснѣ.

Витаеть, свой свершая срокъ,
Надъ рощами и надъ лѣсами,
Надъ опереніемъ сорокъ
И надъ пшеничными усами.
Мы, впивъ его, витаемъ сами,
Витаемъ по его винѣ
Надъ изумрудными красами,
Цѣлуя травы въ полуснѣ.

Его полѣтъ — для насъ урокъ,
Усвоенный чудесно нами:
Такъ добродѣтель и порокъ
Равно лелѣемы волнами
Зефира, мучимаго снами
И грезой о такой странѣ,
Гдѣ поэтическое знамя
Цѣлуеть вѣтеръ въ полуснѣ.

Чаруемы его мечтами
О невозможной сторонѣ,
Мы въ этомъ мірѣ, точно въ храмѣ,
Цѣлуемъ знамя въ полуснѣ . . .

Баллада XXII

Въ четвёрку сѣрыхъ лошадей
Несѣтся синяя карета.
Внутри ея, средь орхидей,
Сидитъ печальная Иветта.
Она совсѣмъ легко одѣта,
За что ее коритъ злой толкъ.
Ее овильъ вокругъ корсета
Gris-pegle вервэновѣйный шолкъ.

Она устала отъ людей,
Равно : отъ хама и эстета,
Отъ ихъ назойливыхъ идей, —
Она, мимоза полусвѣта.
Ей такъ тяжолъ грасиръ корнета
И предъ семьей дочерній долгъ,
Что прячетъ перламутръ лорнета
Въ gris-pegle вервэновѣйный шолкъ. . .

Въ нее влюбленный лицедѣй, —
Съ лицомъ заморыша-аскета,
Съ нелѣпымъ именемъ Фадѣй, —
Поднесъ ей бѣлыхъ два букета.
И, въ орхидеяхъ, какъ комета
На отдыхѣ, кляня весь полкъ
Изъ-за корнета, грезить : „гдѣ-то —
Волна, — вервэновѣйный шолкъ“. . .

Сверни же къ морю, въ домъ поэта.
Что ѣхать въ городъ? онъ — какъ волкъ!
Кто, какъ не ты, придумалъ это,
Gris-pegle вервэновѣйный шолкъ? . .

Баллада XXIII

(Диссо, фиг. 1)

Поэтъ, во фракъ соловей,
Другъ и защитникъ куртизанокъ,
Иветту грустную овѣй
Улыбкой кризантэмныхъ танокъ,
Ты, кто въ контактѣ съ дѣвой тонокъ,
Ты, сердца женскаго знатокъ,
Свой средь грузинокъ и эстонокъ,
Прими Иветту въ свой шатрокъ!

Ты вдохновенно-огневой,
Бродящій утромъ средь барвинокъ,
Привѣтъ своей душой живой
Иветту, какъ пѣвучій инокъ.
Врачуй ей боль душевныхъ ранокъ,
Психологъ! интуитъ! пророкъ!
Встрѣчай карету спозранокъ,
Прими Иветту въ свой шатрокъ.

Стихи и грѣзы ей давай,
Бѣднѣющей отъ шалыхъ денегъ,
Пой про любовь полный май,
Дай ей любовь вкусить, весенникъ!
Цѣлуй нѣжнѣй ес спросонокъ
И помни межъ поэзныхъ строкъ:
Застѣнчивая, какъ ребенокъ,
Вошла Иветта въ твой шатрокъ . .

Тебѣ въ отдаръ — созвучныхъ струнокъ
Ея души журчащій токъ.
Возрадуйся же, вѣчный юнокъ,
Что взялъ Иветту въ свой шатрокъ!

Баллада XXIV

(Диссо, фиг. 2)

Царевичъ Май златистокудрый
Быль чудодѣйный весельчакъ:
Прикидывался дѣвкой бодрой,
То шель, какъ нѣкій старичокъ,
Носасывая каучукъ
Горячей трубочки интимной . . .
То выдавалъ мальчишкамъ чекъ
На пикники весною томной.

А иногда царевичъ мудрый,
Замедливъ въ рѣзвомъ ходѣ шагъ,
Садился на коня, и бѣдра
Его сжималъ межъ сильныхъ ногъ.
Иль превращался въ муху вдругъ
И въ ухо лѣзъ, жужжа безумно,
Смотря, какъ мчится человекъ
На пикники весною томной . . .

Осыпавъ одуванчикъ пудрой,
Воткнувъ тычинки въ алый макъ,
Наливъ воды студеной въ вѣдра,
Сплетя изъ ландышей вѣнокъ,
Хваля, какъ трудится паукъ,
И отстоявши въ праздникъ храмы
Обѣдню, — направлялъ свой бѣгъ
На пикники весною томной.

Люблю блистальный майскій ликъ,
Какъ антипода тьмы тюремной.
Ловлю хрустальный райскій кликъ
На пикники весною томной!

Баллада XXV

(Нео)

Усни въ зеленомъ гамакѣ
Подъ жёмчужными мотыльками,
Надъ слившимися ручейками, —
Усни въ полуденной тоскѣ.
Зажми въ снѣжбьющей рукѣ,
Безъ думъ, безъ грезъ и безъ желанья
Съ нимъ встрѣчи въ странномъ далека,
Его послѣднее посланье.

Умѣй разслышать въ ручейкѣ
Его уста съ его стихами,
Эола вьющееся знамя
Умѣй увидѣть въ мотылькѣ.
Въ отдаленной пѣснѣ на рѣкѣ
Почувствуй слезы разставанья,
Прижми ладонью на вискѣ
Его послѣднее посланье.

Слѣди за солнцемъ на пескѣ,
За ползающими тѣнями.
Пробудятъ пусть сравненье съ днями
Они въ тебѣ, въ людскомъ цвѣткѣ.
Ты, легкая, здѣсь — *налегкѣ*,
Лишь гостя краткаго свиданья,
И смерть твоя видна въ листьѣ
Его послѣдняго посланья.

Чѣмъ ближе къ гробовой доскѣ,
Сильнѣй — любви очарованье:
Въ рукѣ, какъ въ глиняномъ кускѣ,
Его послѣднее посланье . . .

Квинтина I

Благоухающая вся луною
И упоющая соловьемъ
Она владычествуетъ надо мною —
Вертэна, выглотанная живьемъ, —
Съ лимономъ устрица, — фужеръ съ волною.

Не захлебнуться ли теперь волною?
Не погрузиться ли въ нее живьемъ?
Весь озаряемый больной луною,
Острѣ я чувствую, что надо мною —
Соблазнъ, растрелившійся соловьемъ.

Кто не прикидывался соловьемъ
Подъ этой вѣтренной, шальной луною?
Кто не мечталъ меня изъять живьемъ?
Глубь не влекла-ль меня своей волною?
Кто не рапировалъ въ мечтахъ со мною?

О, благодать небесъ! ты надо мною
Благоуханною течешь волною,
Поешь весенящимся соловьемъ,
И, обливая вдругъ меня луною,
Возносишь въ синіе верхи живьемъ.

Та, кто живое всё берётъ живьемъ,
Неторжествующая надо мною,
Легко выбрасываетъ мнѣ волною
Вертэну, трелющую соловьемъ,
И упоющую мозгъ луною . . .

Квинтина II

Моя земля! любовью ты жива!
Моя любовь! ты вскормлена землею!
Ты каждый годъ по веиунему нова!
Сверкающія утренней зарею
Пою тебѣ хвалебныя слова!

О, что за власть имѣють тѣ слова,
Которыя излучены зарею!
Земная жизнь! да будь всегда жива!
Земная страсть! да будь всегда нова!
Безсмертно будь, рожденное землею!

Я созданъ самъ цвѣтущею землею,
И только ею грудь моя жива.
Я вдохновляюсь юною зарею,
Шепчу въ восторгѣ нѣжныя слова.
Такъ: жизнь земли всегда душѣ нова.

И ты, моя любимая, нова,
Когда щебечешь чарныя слова,
Дарованная млѣющей землею.
Къ тебѣ любовь безсмертная жива,
Она сіяетъ майскою зарею.

О, наслаждайтесь красочной зарею
И славословьте жизнь: она нова!
Творите вдохновенныя слова!
И пусть планета, что зовутъ Землею,
Пребудетъ ввѣкъ прекрасна и жива!

Квинтина III

Я здѣсь одинъ, совсѣмъ одинъ --
Въ томъ смыслѣ, что интеллигента
Ни одного здѣсь нѣтъ. Вершинъ
Сосновый говоръ. Рѣчки лента
Зеркальная въ кудряхъ долинь.

Отрадны шелесты долинь,
И влажная влекуща лента.
Среди людей я все-жъ одинъ,
И, право, тоньше шумъ вершинъ
Для слуха грѣзь интеллигента.

Искусство — для интеллигента:
Среди невѣждъ лишь онъ одинъ
Ждетъ, чтобы даже кино-лента
Струила аромат долинь,
И свято любить свѣтъ вершинъ.

Стремитесь къ холоду вершинъ,
Привыкшіе къ теплу долинь,
Беря примѣръ съ интеллигента.
Пусть изъ ползучихъ ви одинъ
Не падаетъ, віясь какъ лента.

Милѣй всѣхъ лентъ — любимой лента,
Она превыше всѣхъ вершинъ.
Внемлите, жители долинь,
Всей гаммѣ чувствъ интеллигента:
Взлѣтъ — смыслъ единственный одинъ!

Квинтина IV

Любовь приходит по вечерамъ,
А на разсвѣтъ она уходитъ.
Восходитъ солнце, и по горамъ,
И по долинамъ лучисто бродитъ.
Лучи наводитъ то здѣсь, то тамъ.

Миръ оживаетъ то здѣсь, то тамъ.
И кто-то свѣтлый по міру бродитъ.
Утрами бродитъ, а къ вечерамъ
Шлетъ поцѣлуи лѣсамъ, горамъ
И, миротворя весь міръ, уходитъ.

Уходятъ годы, и вѣкъ уходитъ.
И что звучало по вечерамъ,
Забыто къ утру. Лишь Память бродитъ.
Какъ привидѣнье, то здѣсь, то тамъ,
Да волны моря бѣгутъ къ горамъ.

Намъ надоѣли низы, — къ горамъ
Мы устремились: вѣдь солнце тамъ!
А вечерами оно уходитъ . . .
Тогда — обратно: по вечерамъ
Уходитъ Яркость, и Нѣжность бродитъ.

Пока мы юны, пока въ насъ бродитъ
Кровь огневая, спѣшимъ къ горамъ:
Любовь и Солнце мы встрѣтимъ тамъ!
Пусть на закатѣ оно уходитъ,
Она приходитъ по вечерамъ . . .

Лэ I

О вы, бѣлосиреневые сны,
Объятые вервеновой печалью!
О, абрисъ абрикосовой весны!
О, личико, окутанное шалью
Лимонною, ажурною, кисейною!
О, женщина съ душой вервеновой,
Приснившаяся въ оттепель февралю! . . .

Приснившееся въ оттепель февралю —
Въ моемъ котѣджѣ у кривой сосны —
Лицо подь фіолетовой вуалью,
Лицо, глаза котораго грустны,
И, какъ вуаль, немного фіолетовы,
Я зналъ тебя, и, можетъ быть, отъ этого
Мнѣ многія туманности ясны . . .

Мнѣ многія туманности ясны.
Онѣ влекутъ недостижимой далью . . .
Ахъ, всѣ наливки для меня вкусны,
Но предпочту кизилью и миндалью:
Отъ нихъ мои мечты ажурно кружатся,
То ярко гроносятся, то выюжатся,
Какъ ты, рояль съ надавленной педалью . . .

О, ты, рояль съ надавленной педалью
И съ запахомъ вервеновой волны.
Ты озарялъ квартиру генералю
Созвучьями, текущими съ луны . . .
Улыбки усть твоихъ клавиатурныхъ
Ея лица черты колоратурныхъ
На фонѣ бирюзовой тишины . . .

На фонѣ бирюзовой тишины
Я помню краску губъ ея коралю.
Ея волосъ взволнованные льны,
И всю ея фигуру феодалью . . .
Мы не были, какъ будто, влюблены,
А можетъ быть — немного: вѣдь подь алью
Ея слова чуть видны, чуть слышны . . .

Ея слова чуть видны, чуть слышны.
Заглушены поющею роялю
И шумомъ голосовъ заглушены.
Онѣ влекутъ мечтатно къ началу, ---
И с переносу своимъ страданія
Въ великопланнй хаосъ міроздавнн.
Создавшій и холеру, и . . . Италію!

Создавшій и холеру, и Италію,
Тебѣ мои моленія не нужны . . .
Мнѣ хочется обнять ее за талію:
Ея глаза зовущіе нѣжны;
Въ нихъ ласковость улыбочиво прищурена,
Имѣ фиміамовъ множество воскурено . . ---
О вы, бѣлосиреневые сны! . .

О вы, бѣлосиреневые сны,
Приснившіеся въ оттепель февралю!
Мнѣ многія туманности ясны,
И — ты, рояль съ надавленной pedalю . . .
На фонѣ бирюзовой тшшшны
Ея слова чуть видны, чуть слышны
Создавшему холеру и Италію . . .

Послѣдніе зеленые листки . . .

На эстляндскомъ ли берегу, восемнадцатаго ноября,
У Балтійскаго въ сизый цвѣтъ моря выкрашеннаго,
Надъ вершинами горъ и скалъ — я надъ кручамн
иду царя.

Въ бездну тучи летять песка, шагомъ выкрошеннаго.

Что за пламенная мечта, увлекающая, словно даль,
Овладела опять душой? чего выскочившая

И вспорхнувшая снова ввысь возжелала ты,
птица-печаль,

Въ это утро, какъ малахить, все заиндѣвѣвшее?

Цѣль безцѣльныхъ моихъ шаговъ — не зелёные ли
вы, листки,

Уцѣлѣвшіе отъ костлявой, — сочувствующіе, —

Той, что осенью всѣ зовуть, покровительницы
чаръ тоски,

Той, чьи кисти — шалобольная, безумствующія? . . .

1918 XI

Пора безжизніа

Кончается октябрь, безснѣжный и туманный.
Одинъ день — изморозь. Тепло и дождь — другой.
Безлистый лѣсъ уснулъ гнилой и безуханный,
Безцвѣтный и пустой, скелетный и нагой.

На морѣ съ каждымъ днемъ всё рѣже полотенца :
Вѣдь Осень, говорятъ, неряха изъ неряхъ . . .
И ходять двѣ сестры — она и Инфлюэнца,
Двѣ дѣвы старыя, — и топчутся въ дверяхъ.

Изъ скромныхъ домиковъ ихъ гонять : кто — дубиной,
Кто — жаркой банею, кто — ватнымъ армякомъ ;
Кто подогадливѣй, ихъ просто гонить хиной,
Легко тягающейся съ крѣпкимъ тумаконъ . . .

Пора безжизніа ! . . И даже ты, телѣга,
Не то ты лѣнишься, не то утомлена . . .
Намъ грязь наскучила. Мы чистаго ждемъ снѣга.
Въ грязи испачкала лицо свое луна . . .

1918 X

Предвешняя элегія

Не знаю — буду ли я живъ
Къ веснѣ и вкрадчивой, и бѣжной,
Пойду ли вновь съ мечтой элежной
Къ полянамъ, пѣсь про нихъ сложивъ.

Не знаю — станеть ли сирень
Меня дурманить вновь фіолью,
Какою занеможетъ болью
Моя душа въ весенній день.

Не знаю — буду ли я знать,
Что значить упиваться маемъ,
Туберкулёзомъ злымъ ломаемъ,
И, умирая, жить желать.

1918 XII

Это явь или грёза?

Сонъ мой былъ или не былъ? что мнѣ снилось
что снилось? только море и небо
Только липы и поле! это явь или грёза? сонъ мо
былъ или не былъ?

Я здѣсь жилъ или нѣ жилъ? ты была ли со мною?
здѣсь тебя ли я нѣжилъ?

Что-то всё по другому . . . Будто то, да не то же . . .
Я здѣсь жилъ или нѣ жилъ?

Та же самая дача . . . Тѣ же самыя окна . . . Въ
нихъ смотрѣла ты, плача . . .

А потомъ улыбалась . . . А потомъ . . . Да, конечно:
та же самая дача! . . .

Значить, „Тость безотвѣтный“ здѣсь написанъ, не
правда-ль? И обложкой привѣтной,

Всѣ сомнѣнья разсѣявъ, убѣдилъ меня въ яви
милой „Тость безотвѣтный“.

1918 IV

Музѣ музыкѣ

Не странно ли, — тринадцатаго марта,
Въ трехлѣтѣ неразлучной жизни нашей,
Испитое чрезъ край бѣгущей чашей, —
Что въ Ревель насъ забрасываетъ карта?

Мы въ Харьковѣ сошлись, и не въ Іеве-ль
Мечтали провести нашъ день интимный?
Взамѣнъ — этапъ, и, сквозь Іеве, въ дымный
Холодный мракъ, — и попадаемъ въ Ревель.

Какъ онъ красивъ, своеобразенъ, узокъ
И элегантно-чистъ, весь заострѣнный!
Восторженно, въ тебя всегда влюбленный,
Твое лицо цѣлую, муза музыкѣ! . .

Придется ли намъ встрѣтить пятилѣтѣ
И четверть вѣка слитности — не знаю.
Но знаю, что никто-никто иная
Не замѣнитъ тебя, кого ни встрѣтъ я . . .

Встрѣчь новыхъ не ищу, и не горюю
О прежнихъ, о дотѣбныхъ, — никакіе
Соблазны не опасны. Я цѣлую
Твое лицо открытое, Марія.

*Ревель, гост. „Золотой Левъ“.
13 марта 1918 г.*

Элегія изгнанія

Въ моемъ добровольномъ изгнаньи
Мнѣ трудно представить, что гдѣ-то
Есть міръ, гдѣ живутъ и мечтаютъ,
Хохочутъ и звонко поютъ.
Да полно! не только-ль мечтанье —
Соблазны культурнаго свѣта?
Не всюду ли жизнь проживаютъ,
Какъ я въ заточеніи тутъ?

И развѣ осталась культура,
Изыски ея и выборы,
Утонченные ароматы
Симфоній, стиховъ и идей?
И развѣ полѣты Амура
Ткутъ въ воздухѣ тѣ же узоры?
И развѣ мимозы не смяты
Стопой озвѣрѣлыхъ людей?

Вотъ годъ я живу, какъ растенье,
Спасаясь отъ ужасовъ яви,
Недавнія переживанья
Считая несбыточнымъ сномъ.
Печально мое заточенье,
Въ которомъ грущу я по славѣ,
По нѣжному очарованью
Въ такомъ еще близкомъ быломъ . . .

1918 X

II

ПЧЕЛЫ И СТРЕКОЗЫ

Восемнадцатый вѣкъ

Восемнадцатый вѣкъ! не ему ли дано
Слыть изысканнымъ хамомъ во вѣки вѣковъ?
Въ нёмъ съ учтивостью грубость сплелась заодно,
И съ изяществомъ пошлость придворныхъ домовъ.

Ришелье исципаль въ синяки Шаролэ.
Билъ Субизъ по щекамъ, на земь бросивъ, де-Нель.
За Шасси выбѣгала кокетка Буфлэ
И кричала: „Желаю его на постель!“

Герцогиня Беррійская въ пьянствѣ сожглась.
Graille и Logge называли атап . . . Помпадуръ!
Было много чудовищныхъ зрѣлищъ для глазъ,
Было много средь фрейлинъ развратницъ и дуръ.

Куаньи, проигравъ капиталъ принцу Домбъ,
Закричалъ: „Такъ везётъ лишь ублюдкамъ однимъ!“
Создавая шантанъ, устроители *помпъ*
Говорили: Традици *monde'a* хранимъ“ . . .

Эстрада, въ бракъ съ маршаломъ, игровый домъ
Совершенно открыто держала, свой санъ
Позабывъ, — домъ, гдѣ „въ пухъ“ проигрался
Вандомъ,
И богачкою стала *madame* Монтеспанъ . . .

1918 IX

Сонетъ XXIX

Вѣкъ граціи, утонченный вѣкъ-стебель!
Ланкрэ, Ла-Тушъ, Бушэ, Грэзъ и Ватто!
Андрэ Шарль Буль — поэтъ не твой ли мебель?
И ты, Бертонъ, не ты-ль пѣвецъ манто?

Вѣкъ мушекъ-,поцѣлуевъ“, вздоховъ, гребель,
Духовъ и комплиментовъ, — но зато
Виконтъ бранился дома, какъ фельдфебель,
А виконтэсса, какъ — не знаю! — кто . . .

Двуликій вѣкъ Ротье и Фрагонара —
Изящества и грубаго кошмара! —
Ты мнѣ напомнилъ „эти“ времена:

Не та же культурность показная,
Которую, опредѣленно зная,
Спасти не могутъ наши имена?

1918 IX

Газэлла IX

А если-бъ Пушкинъ ѓжилъ и къ намъ пришолъ? ...
Тогда бы онъ увидѣлъ, что Хамъ пришолъ.

И Мережковскому бы сказалъ онъ: „Да,
Собрать, Вы были правы — „онъ“ тамъ пришолъ.

Грядущій Хамъ окончилъ свой дальній путь
И рады иль не рады, онъ къ вамъ пришолъ“ . . .

Потомъ бы Пушкинъ „новыхъ“ читалъ стихи:
„На смѣну мнѣ рой цѣлый въ мой храмъ пришолъ,

И „геніевъ“ такъ много теперь у васъ,
Что и меня забыли, — я самъ пришолъ:

Хотѣлось насмотрѣться на вашу жизнь,
Но, посмотрѣвъ, воскликну: Въ бедламъ пришолъ! ..

„Самарскій адвокатъ“

Посредственному адвокату
Стать президентомъ — не удѣль.
Онъ дѣловито, шоль къ закату
И вотъ дойдя — онъ не у дѣль! . .

Напрасно чванилась Самара :
„Волжанинъ сталъ почти царемъ!“
Онъ поднимался, какъ опара,
А лопнулъ мыльнымъ пузыремъ.

Но не конфузятся волжане :
„Керенки“ знаетъ вся страна.
Онъ у каждого въ карманѣ —
А чтобы драль ихъ сатана!

Народъ, жуя ржанья гренки,
Ругаетъ „дѣтище“ его :
Вѣдь потруднѣе сбыть „керенки“,
Чѣмъ Керенскаго*) самого! . .

1918 V

---

*) Простонародное произношенье.

„Александръ IV“

Что думалъ „Александръ Четвёртый“,
Пріѣхавъ въ гатчинскій дворецъ,
Обозрѣвая полъ протѣртый
Людьми безъ мозга и сердцеъ ?

Аллеей вѣкового сада
Бродя, онъ понялъ ли афронть,
Что шоль къ нему изъ Петрограда ?
Ужель надѣялся на фронтъ ?

Какъ онъ, чей путь былъ сладко-колокъ,
Свой переоцѣнилъ завѣтъ !
Какой же онъ плохой психологъ
И жалкій государствовѣдъ !

Какъ символичесъ „милосердыя
Сестры“ костюмъ, который спасъ
Его : не то же ли вѣтвердые
И сердобольностей запасъ ?

Да, онъ поэтъ ! да, онъ фанатикъ
Идеалистъ *stile décadence* !
Паяцъ трагичный на канатѣ.
Но идеальность — не баллансъ...

1918 V

Крашенные

Сегодня „красные“, а завтра „бѣлые“ —
Ахъ, не матеріи! ахъ, не цвѣты! —
Людишки гнусные и озвѣрѣлы,
Мнѣ надоѣвшіе до тошноты.

Сегодня пошлые, и завтра пошлые,
Сегодня жулики и завтра тѣ-жъ,
Они, бывалые пройдохи дошлые,
Вамъ спровоцируютъ любой мятежъ.

Идеи вздорныя, мечты напрасныя,
Что въ „ихъ“ теоріяхъ — путь къ Божеству.
Сегодня „бѣлые“, а завтра „красные“ —
Они безцвѣтные по существу.

Влюблённые въ поэтику

Меня мутить отъ Асквита,
Либкнехта, Клемансо.
Стучить у дома засвѣтло
Пролѣтки колесо.

— „Эй, казачокъ!“ Давъ Витинькѣ
Пальто, она — въ дверяхъ.
Мы съ нею внѣ политики,
Но цѣликомъ въ стихахъ.

Намъ дѣла нѣтъ до канцлера,
До ультиматныхъ нотъ,
До Круппа и до панцыря,
И ноль для насъ — Синодъ.

Мы ищемъ въ амфибрахіяхъ
Запрятанный въ нихъ ямбъ.
Въ ликерахъ и ратафіяхъ
Находимъ отблескъ рампъ.

Строй буквъ аллитераціи
И асо-диссонансъ —
Волшба версификаціи —
Насъ вовлекаютъ въ трансъ.

Размѣры разностопные
Мѣшаемъ мы въ одинъ —
Узоры многотропные
На блѣсткой глади льдинъ.

И сближены хорями,
Сліянные въ одно,
Мы надъ землей зарѣяли,
Какъ съ крыльями зерно.

По справедливости

Его безспорная заслуга
Есть окончаніе войны.
Его привѣтствовать, какъ друга
Людей, вы искренне должны.

Я — внѣ политики, и, право,
Миѣ всё равно, кто-бъ ни былъ онъ.
Да будетъ честь ему и слава,
Что миръ имъ, первымъ, заключёнъ!

Когда людская жизнь въ загонѣ,
И вдругъ — ея апологетъ,
Не все-ль равно миѣ — какъ: въ вагонѣ
Запломбированномъ, или нѣтъ?...

Не только изъ вагона — прямо
Пускай изъ бездны бы возникъ!
Твержу настойчиво-упрямо:
Онъ, въ смыслѣ мира, мой двойникъ.

1918 V

Тэффи

Гдѣ ты теперь, печальная душа
Съ веселою, насмѣшливой улыбкой?
Какъ въ этой нови, горестной и зыбкой,
Ты можешь жить, и мысля, и дыша?

Твои глаза, въ которыхъ скорбь и смѣхъ,
Твои уста съ язвительнымъ рисункомъ
Такъ близки мнѣ и серебристымъ стрункамъ
Моей души, закутанная въ мѣхъ.

О, странная! о, грустная! въ тебѣ
Васкущее есть что-то. Осіянна
Ты лирикой души благоуханной,
О лилія въ вакхической алчбѣ!

1918 XII

Памяти Н. И. Кульбина

Подвалъ, куда „богемцы“ на ночь
Съѣзжались, пьяный былъ подвалъ.
Въ немъ милый Николай Иванычъ
Художественно ночевалъ.

А это значить — спичъ за спичёмъ
И объ искусствѣ пламенный споръ.
Насмѣшка надъ мѣщанствомъ бычьимъ
И надъ кретинами тоноръ.

Новаторъ въ живописи, докторъ.
И донъ-Жуанъ, и генералъ.
А сколько шло къ нему дорогъ то!
Кто, только кто его не зналъ!

Въ его улыбкѣ миловзорца
Торжествовала простота.
Глаза сияли, какъ озёрца
Въ саду у Господа-Христа.

Среди завистливаго, злого
Мірка теплѣлъ онъ, какъ рубинъ.
Да, онъ въ хорошемъ смыслѣ слова
Былъ человѣкомъ — нашъ Кульбинъ!

1918 V

Судьба Таси

Нашъ вѣкъ — чудоробенка эра
И всякихъ чудъ. Былъ вундеркиндъ
И дирижоръ Вилли Ферреро,
Кудрявый точно гіацинтъ.

Девятилѣтній капельмейстеръ
Имѣлъ поклонницъ, какъ большой,
И тайно грезилъ о невѣстѣ
Своею взрослою душой.

Однажды восьмилѣткѣ Тасѣ
Мать разрѣшила ѣхать съ ней —
На симфоническомъ Парнасѣ
Смотрѣть на чудо изъ дѣтей.

Въ очарованьи отъ оркестра,
Ведомага его рукой,
Въ антрактѣ мальчику-маэстро
Малютка принесла левкой.

Хотя чело его увиди
Цвѣты, — ихъ несъ къ нему весь залъ, —
Всѣ-жъ, въ знакъ признательности, Вилли
Въ лобъ дѣвочку поцѣловалъ.

О, въ этомъ поцѣлуѣ — жало,
А въ жалѣ — ядъ, а въ ядѣ — тлѣнь...
Блаженно Тася задрожала,
Познало сердце нѣжный плѣнь.

Уѣхалъ Вилли. Стало жутко.
Прошло три года. Вдалекѣ
Ее онъ помнилъ ли? Малютка
Скончалась въ мукѣ и тоскѣ.

1918 V

Лососья идиллія

Тамъ, гдѣ растеть на берегу осина
И вкривь, и вкось,
Вилыла изъ моря въ рѣчку лососина,
За ней — лосось.

И стала выкрапчатая лососька
Метать икру.
На душегубкѣ слышенъ шопоть: „Фроська,
Оставь игру.

Не шевелись. Ахъ, лучше-бъ ты осталась
На берегу.
Зря къ дѣву на ночное затесалась...
Дай острогу.“

И дѣдушка дрожащею, но вѣрной
Сухой рукой
Взмахнувъ, слегка прицѣлился примѣрно
И — острогой!

Отъ восхищенья закричала Фроська:
„Поди, небось,
Ты пала, икрометная лососька!“
Но палъ — лосось.

Кондитерская дочь

Германскій лейтенантъ съ кондитерскою дочкою
Приходить на лужокъ устраивать пикникъ,
И саркастически пчела янтарной точкой
Надъ нимъ взвивается, какъ злой его двойникъ.

Они любятъ постельною лужайкой,
Тѣмъ, что надъ травкою и около, и подъ.
И — фрэнчъ ли юнкерскій заботливою байкой
Иль страсть заводская — его вгоняетъ въ потъ.

Такъ въ полдень млѣющей на млѣющей полянѣ
Млѣть собирается кондитерская дочь...
Какъ сочъ юльская, полна она желаній:
Въ ея глазахъ, губахъ, во всей — сплошная сочъ...

Вотъ страсть насыщена, и аккуратно вытеръ
Отроманировавшій нѣмецъ пыль и влажь...
А у кондитерской встрѣчаетъ ихъ кондитеръ
Съ открытой гордостью, — *какъ связи ихъ*
бандажъ...

1918 XI

Въ роли рикши

Пятнадцать верстъ на саночкахъ норвежскихъ
Я везъ тебя равниной снѣговой,
На небѣ видя зубровъ бѣловѣжскихъ,
Изъ облаковъ содѣянныхъ мечтой.

Пятнадцать верстъ отъ Тойлы и до Сомпе,
Въ дорогѣ раза два персдохнувъ,
Я везъ тебя, и вспоминалъ о помнѣ,
Съ какой поилъ виномъ меня Гурзуфъ...

Пятнадцать верстъ, уподобляясь рикшѣ,
Черезъ поля и лѣсъ тебя я вѣзъ...
Но къ лошадиной роли не привыкши,
Прошу мнѣ дать обѣдъ, а не овёсъ...

Квинтина V

Когда поэтъ-милліонеръ,
При всемъ своемъ богатствѣ, — скряга,
Онъ, очевидно, духомъ сѣръ.
Портянки, лапти и сермяга —
Нутро. Снаружи — эксцессеръ.

О, пошехонскій эксцессеръ,
Сфрачена твоя сермяга!
О, нищенскій милліонеръ,
Твой алый цвѣтъ промозгло-сѣръ!
Ты даже въ ощущеньяхъ скряга!

Противенъ мотъ. Противнѣй скряга,
Тѣмъ болѣе — милліонеръ,
Кому отцовская сермяга
Стѣснительна: вѣдь эксцессеръ
Фракъ любить — черенъ онъ иль сѣръ...

Вообразите: фракъ — и сѣръ...
Тогда рутинствуй, эксцессеръ!
Тогда кути безпутно, скряга!
Тогда бѣдуй, милліонеръ!
Стань фраккомъ, сѣрая сермяга!

Компрометируетъ сермяга
Того лишь, кто душою сѣръ.
Отвратенъ горе-эксцессеръ, —
По существу — скопецъ и скряга,
По кошельку — милліонеръ.

ЛЭ II

(Алексѣю Масаинову)

Въ Японіи, у гейши Ойя-Санъ,
Цвѣтутъ въ саду такіе анемоны,
Что другъ ея, испанскій капитанъ,
Ей предсказалъ „карьеру“ Дездемоны.
Не мудрено: ихъ пряный ароматъ
Всѣхъ соблазнить, и, ревностью объять,
Нащъ капитанъ ее повергнетъ въ стоны.

Нашъ капитанъ ее повергнетъ въ стоны,
Когда микадо, позабывъ свой санъ,
Придетъ къ японкѣ предлагать ей троны, —
За исключеніемъ своей, — всѣхъ страхъ...
И за зеленымъ чаемъ съ ней болтая,
Предложить ей владѣнія Китая:
„За поцѣлуй — Китай Вамъ будетъ данъ.“

„За поцѣлуй Китай Вамъ будетъ данъ“, —
И Ойя-Санъ воздастъ ему поклоны,
И Ойя-Санъ введетъ его въ дурманъ,
Въ крови царя она пробудитъ звоны...
Сверкая чернымъ жемчуговъ зубовъ,
Струя ирисъ подъ шолкъ его усовъ,
Она познаетъ нѣжные уроны.

Она познаетъ нѣжные уроны,
И, солнцемъ глазъ гетеры осіянь,
Забудетъ бремя и дефектъ короны
Микадо, отъ ея лобзаній пьянь.
Потомъ, съ неловкостью произношенья
Сказавъ: „adieu“, уйдетъ — и въ подношенье,
Взамѣнъ Китая, ей пришлетъ... тюльпанъ.

Взамѣнъ Китая, ей пришлетъ тюльпанъ
Высокій bon vivant „нейтральной зоны“,
Нелюбящій въ свиданьяхъ „барабанъ“,
Ходящій чрезъ ограду и газоны,
Чтобъ (какъ грузины говорятъ: шайтанъ !)
Придворный не схватилъ за панталоны,
Усердіемъ особымъ обуянь...

Усердіемъ особымъ обуянь,
Придворный сыщикъ, жолтый какъ лимоны,
Не постѣснится изъ дворца шантанъ
Устроить на пиру жрецовъ Мамоны
И (сплетней, — не буквально!) за штаны
Схвативъ царя, съ вспѣнённостью волны
Друзьямъ расскажетъ „сверх-декамероны“ ...

Друзьямъ расскажетъ „сверх-декамероны“
Дворцовый „шпикъ“ — невѣжда и болванъ.
Не оттого-ль, чтобъ не дразнить „тромбоны“,
Избралъ заборъ микадо-донжуанъ?
Онъ отдохнетъ отъ суеты житейской,
Какъ азіатской, такъ и европейской,
У подданной, у гейши Ойя-Санъ.

Въ Японіи, у гейши Ойя-Санъ,
Микадо самъ ее позергнетъ въ стоны:
„За поцѣлуй — Китай Вамъ будетъ данъ“, —
Она познаетъ нѣжные уроны, —
Взамѣнъ Китая, ей пришлетъ тюльпанъ ...
Усердіемъ особымъ обуянь,
Друзьямъ расскажетъ „сверх-декамероны“ ...

У гейшъ

Разноцвѣтно покоуть фонарики,
Отзеркаленные заливомъ,
И трелятъ на флейтахъ арійки
Гейши, подобныя сливамъ...

Въ кимоно фіолетово-розовомъ,
Смѣющіяся чаруйпо,
Съ каждымъ, волнуемымъ позывомъ,
Встрѣчаются безпоцѣлуйно...

Уютные домики чайные
Выглядятъ, какъ игрушки.
Моряки, гости случайные,
Пьютъ чай изъ фарфоровой кружки.

И передъ гейшами желтыми
Хвастаютъ лицами милыхъ
На карточкахъ съ глазами проколотыми
За нарушенье „клятвъ до могилы“...

Японки смотрятъ усмѣшливо
На чуждыхъ женщинъ безглазыхъ
Съ душою края нездѣшняго,
Вынутыхъ изъ-за пазухъ...

Шалунья Сливная Косточка
Отбросила вѣеръ бумажный,
И на гостя посыпалась горсточка
Вишень, манящихъ и влажныхъ...

III

ЩОРОХИ ІНТУИЦІИ

Поэза Упадка

Къ началу войны европейской
Изысканно-тонкій развратъ,
Отъ спальни царей до лакейской,
Достигъ небывалыхъ громадъ.

Какъ будто Содомъ и Гоморра
Воскресли, принявъ новый видъ :
Повальное пьянство. Лѣнь. Ссора.
Зарѣзанъ. Повѣшанъ. Убитъ.

Художественнаго салона
И пьяной харчевни стезя
Совпала по сходству уклона.
Ихъ было различить нельзя.

Паскудно гремѣло витійство,
Которымъ возславленъ былъ грѣхъ.
Заразное самоубійство
Едва заглушало свой смѣхъ.

Дурилъ хамоватый извощикъ,
Какъ дэнди эстетный дурилъ.
Равно среди толстыхъ и тощихъ
Царили замашки гориллъ.

И то, что расцвѣтомъ культуры
Казалось, была только гниль.
Утонченно-тонныя дуры
Выдумывали новый стиль.

Онъ, кому въ нравственномъ тѣсно,
Крошили бананы въ икру,
Затѣявали такъ эксцесно
Флиртирующую игру.

Измызганно-плоскіе фаты,
Потомственные ромали,
Чьи руки торчатъ, какъ ухваты,
Напакоститься не могли.

Народъ, угнетаемый дрянью
Безмоз-лой, безларной, слѣпой,
Усвоилъ повадку баранью:
Сталъ глупый, упрямый, тупой.

А царь, алкоголикъ безвольный,
Усѣлся на тронѣ втроемъ:
Съ царицею самодовольной
И *родственнымъ ей* мужикомъ.

Былъ образъ правленья безпутенъ, —
Угрозный примѣръ для коронъ:
Безчинствовалъ пьяный Распутинъ,
Усѣвшись съ ногами на тронъ.

Упадочные модернисты
Писали ослинымъ хвостомъ
Пейзажи, и лишь букинисты
Имѣли Тургенева томъ.

Свирѣпствовали декаденты
Въ поэзіи, точно чума.
Дарили такіе моменты,
Что люди сбѣгали съ ума.

Уродливымъ кактусомъ роза
Смѣнилась для моды. Коза
Къ любви призывалась. И поза
Назойливо лѣзла въ глаза.

Но этого было всё мало,
И сытый желудокъ хотѣлъ
Вакхическаго карнавала
Разнузданныхъ въ похоти тѣлъ.

И люди пустились въ эксцессы,
Какіе не снились скотамъ.
Изнервленные поэтессы
Кривлялись юродиво тамъ.

Кишки обжигались ликѣромъ,
И похоть будили смѣшки,
И въ тактъ бархатистымъ рессорамъ
Качелились въ язвахъ кишки.

Живые и сытые трупы,
Безъ пмысловъ и безъ идей,
Ушли въ черепашіи супы, —
О, люди безъ сути людей!

Имъ стало филе изъ лягушки
Дороже пшеницы и ржи,
А ялы, наркозы и пушки —
Нужиѣе, чѣмъ лѣсъ и стрижи.

Какъ сѣти, ткать стали интриги
И ближнихъ опутавъ, какъ рыбъ,
Забыли музеи и книги,
Въ рукъ загаили ушибъ!

Злорадно они ушибали
Того, кто довѣрился имъ.
Такъ всё опутилось въ опалѣ,
Что было правдиво-святымъ.

И впрямь! для чего людямъ святость?
Для святости — анахоретъ!
На подвиги, боль и распятость
Огнынѣ наложенъ запретъ.

И врядъ ли при томъ современно
Увѣровать имъ въ интелектъ
И въ Бога. Удѣлъ ихъ — надменно
Итти мимо „разныхъ тамъ сектъ“ ...

И вотъ, подъ вліяніемъ моды,
Святое отринувшей, всё
На модныхъ ходуляхъ „комоды“
Вдругъ кругъ завели въ колесѣ.

Какъ слѣдствіе чуши и вздора —
Неистово вверглись въ войну.
Воскресли Содомъ и Гоморра,
Покаренные встарину.

Борису Вѣрину

Въ свое „сиреневое царство“
Меня зовешь ты въ Петроградъ.
Что это : ѣдкое коварство ?
Или и вправду мнѣ ты радъ ?

Какъ жестоко, сухо и жестоко
Жить средь безчисленныхъ гробовъ,
Средь дикихъ выходцевъ съ востока
И „взбунтовавшихся рабовъ“ !

И какъ ты можешь, тонкій, стильный,
Ты, принцъ отъ ногъ до головы,
Жить въ этой затхлости могильной
Въ болотахъ призрачной Невы ?

Скелетовидная Холера
И пучеглазая Чума
Безпутствуютъ, смѣются сѣро,
Ужасныя, какъ смерть сама.

И методически Царь Голодъ
Республику свергаетъ въ топь...
А ты, который гордъ и молодъ,
Предъ нимъ — опомнись! — не холопы!..

Бѣги ко мнѣ, страшись „татарства“ !
Мой край возникъ, какъ нѣкій стражъ.
Твое-жь „сиреневое царство“ —
Болотный призракъ и миражъ.

Не дай мнѣ думать, рыцарь вѣрный,
Чей взлѣтъ всегда былъ сердцу любъ,
Что ты безчувственный, безсрвный,
Что ты средь грубыхъ самъ огрубъ.

1918 XII

Отходная Петрограду

За дряхлой Нарвой, версть за двѣсти,
Какъ окровавленный пиратъ,
Все топчется на топкомъ мѣстѣ
Кончающійся Петроградъ.

Кошмарный городъ — привидѣнье!
Мятежный рабъ! живой мертвецъ!
Исполни предопредѣленье:
Пріемли страшный свой конецъ!

Въ молитвахъ твоего литурга
Нѣтъ о твоёмъ спасеніи просьбъ.
Ты мертвъ со смертью Петербурга, —
Мечты о воскресеніи брось.

Эпоха твоего парада —
Въ сіяньи праздничныхъ дворцовъ.
Нѣтъ ничего для Петрограда:
О, городъ — склепъ для мертвецовъ!

Твоя пугающая близость —
Надъ нами занесѣнный ножъ.
Твои болѣзни, голодъ, сырость —
Вотъ чѣмъ ты власть свою умножь!...

Ты проклять. Надъ тобой проклятья.
Ты точно шхуна безъ руля.
Раскрой же топкія объятья,
Держащая тебя земля.

И пусть фундаментомъ другому
Красавцу-городу гранить
Пребудеть твой: пусть по иному
Тебя Россія сохранить...

Конечное Ничто

Съ ума сойти — рѣшить задачу:
Свобода это иль мятежъ?
Казалось, всё сулить удачу, —
И вотъ теперь удача гдѣ-жъ?

Просторъ лазоревыхъ теорій,
И практика — мрачнѣй могиль...
Какая ширь была во взорѣ!
Какъ стебель росъ! и стебель сгнилъ...

Какъ знать: отсталость ли европья?
Передовитость россиянь?
Натура-ль русская — холопья?
Сплошной кошмаръ. Сплошной туманъ.

Изнемогли въ противорѣчьяхъ.
Не понимаемъ ничего.
Всѣ грезимъ о какихъ-то встрѣчахъ —
Но съ кѣмъ, зачѣмъ и для чего?

Мы призракамъ дуализма
Приведены въ такой испугъ,
Что даже солнечная призма
Тантъ грозящій намъ недугъ.

Грядеть Автихристъ? не Христосъ ли?
Иль оба вмѣстѣ? раньше — кто?
Сначала тьма? не свѣтъ ли послѣ?
Иль погрузимся мы въ *ничто*?

1918 XII

Монологъ императрицы

Я, вдовствующая императрица,
Сажусь на свой крылатый быстрый бригъ
И отплываю въ море, чтобъ укрыться
Отъ всѣхъ придворныхъ сплетенъ и интригъ.

Мой старшій сынъ, сидящій на престолѣ,
И иноземная его жена
Въ такомъ погрязли мрачномъ ореолѣ,
Что ими вся страна поражена.

Его любовницъ алчущая стая,
Какъ разъяренныхъ скепище пантеръ,
Рветъ мантию его изъ горностая
Руками недостойными гетеръ.

Его жена, отъ ревности свой разумъ
Теряя, зло и мелко мститъ ему.
А весь народъ, подверженный заразамъ,
Грузится въ похоть, пьянство, лѣнь и тьму.

Имъ льстить въ глаза разпузданная свита,
Куя исподтишка переворотъ.
О, паутинной цѣпкою повита
Интрига та, ползущая въ народъ.

Ни съ кѣмъ и ни о чѣмъ не сговориться
Въ странѣ, пришедшей къ жалкому нолю.
Бездѣйствующая императрица,
Спѣшу уплыть къ сосѣду-королю.

Къ воскресенью

Идутъ въ Эстляндіи бои, —
Грохочутъ бѣшено снаряды,
Проходятъ дикіе отряды,
Вторгаясь въ грустныя мои
Мечты, вершашія обряды.

Отъ нескончаемой вражды
Политиканствующихъ партій
Я изнемогъ; ищу на картѣ
Спокойный уголь: ликъ Нужды
Еще уродливѣй въ азартѣ.

Спаси меня, Великій Богъ,
Отъ этихъ страшныхъ потрясеній,
Чтобъ въ благодной весенней сѣни
Я отдохнуть немного могъ,
Повѣривъ въ чудо воскресеній.

Воскресни въ мирѣ, тихій миръ!
Любовь къ нему, въ сердцахъ воскресни!
Искусство, расцвѣти чудеснѣй,
Чѣмъ въ дни былые! Ты, строй лиръ,
Бряцай намъ радостныя пѣсни!

Во имя искусства

Они идутъ на Петроградъ
Спасти науку и искусство.
Всей полнотой, всей ширью чувства
Поэтъ привѣтствовать ихъ радъ.

Печальный опытъ показалъ,
Какъ отвратительна свобода
Въ рукахъ неумнаго народа,
Что отъ свободы одичалъ.

Царь свергнуть былъ. Пустой престолъ
Привлекъ не мало претендентовъ,
И въ выкрашенныхъ кровью лентахъ
На тронъ усѣлся Произволь.

А ты, поэтъ-идеалистъ,
Въ свободу вѣрившій такъ свято,
Постигъ, что ею нагло смято
Всё то, чѣмъ міра взоръ лучистъ.

Ни президента, ни царя, —
Или обоихъ сразу вмѣстѣ!
Лишь бы была на прежнемъ мѣстѣ
Святая цѣнность алтаря.

Газэлла X

Въ эти тягостные годы сохрани меня, Христось!
Я Тебѣ слагаю оды, — сохрани меня, Христось!

Каюсь: грѣшень. Каюсь: вспыльчивъ. Каюсь: дер-
зокъ. Каюсь: золь.
Но грѣшнѣй меня народы. Сохрани насъ всѣхъ,
Христось!

Я въ Тебя, Господь Мой, вѣрилъ. Я всегда Тебя
любилъ.

Я — пѣвецъ Твоей природы: сохрани меня, Христось!

Пусть воспрянуть, оживая, исцѣляясь, міръ хваля,
Всѣ калѣки и уроды, — сохрани ихъ всѣхъ,
Христось!

Помни: я, Твой рыцарь вѣрный, Твой воспѣвецъ,
геній Твой —

Человѣческой породы, — сохрани меня, Христось!

Словомъ добрымъ, дѣломъ мудрымъ, отпущеніемъ
грѣховъ,

Въ нашихъ душахъ, гдѣ невзгоды, сохрани Себя,
Христось!

Секстина IV

(„Ингеборгъ“, Келлермана)

Кто смерть, на жизнь напавшую, отторгъ
Своей любовью — бархатной рапирой, —
Какой тому пришлось вкусить восторгъ!
Какъ онъ воспѣтъ вселенской вѣщей лирой!
Безсмертенъ Аксель, спасшій Ингеборгъ
Своей любви благоуханной миррой!

Чье чувство распустилось въ сердцѣ миррой,
Тотъ, побѣдивъ стихію, смерть отторгъ.
Пусть вѣроломна память Ингеборгъ,
И пусть измѣны ржавою рапирой
Она пронзила Аксея, пусть: лирой
Воспѣтыя, ихъ имена — восторгъ.

Любовь всегда должна будить восторгъ,
Благоухая терпко-пряной миррой,
Звучать волшеббно-звонной пламной лирой,
И горе тѣмъ, кто свѣтлую отторгъ:
Проклятье поразить его рапирой, —
Такъ проклята во-вѣки Ингеборгъ.

О, радость жизни! солнце! Ингеборгъ!
Будившая вокругъ себя восторгъ!
Разившая сердца взорорапирой!
Упившаяся сердцемъ друга, — миррой, —
Чей, какъ не твой, взоръ — Аксея отторгъ,
Прославленнаго пламенною лирой!

О, бѣдный князь! взамѣнъ воспѣтыя лирой —
Ты возвратилъ бы лучше Ингеборгъ . . .
Но нѣтъ, но нѣтъ! души твоей восторгъ,
Которымъ смерть ты отъ нея отторгъ,
Не понять ею. Не кадить бы миррой
Измѣнницъ, — пронзить ее рапирой.

Благословенъ не тронувшій рапирой :
Онъ не былъ бы воспѣтъ вселенской лирой.
Благословенна, вспыхнувшая миррой
Для Аксея, и ты, ты, Ингеборгъ,
Проклятая, исторгшая восторгъ
Въ его душѣ, что смерть твою отторгъ !

1918 VIII

Секстина V

Въ моей странѣ — разбой и мятежь,
Въ моей странѣ — холера, тифъ и голодь.
Кто причинилъ ея твердынь брешь?
Кѣмъ духъ ея кощунственно расколоть?
Надежда въ счастье! сердце мнѣ онѣжь! —
Я жить хочу! я радостенъ и молодъ!

Меня пойметъ, кто, какъ и я, самъ молодъ,
Кому претить разнузданный мятежь,
Кто, мнѣ подобно, молить жизнь: „Онѣжь!“
Кому угрозенъ тифъ и черный голодь,
Кто цѣленъ, бодръ и духомъ не расколоть,
Кому отвратна въ государствѣ брешь.

Да, говорить о разрушенъи брешь . . .
Живой лишь разъ, единственный разъ, молодъ!
И если жизни строй разбить, расколоть,
И если угнетаетъ всѣхъ мятежь,
И если умерщвляетъ силы голодь,
Какъ не воскликнуть: „Счастье! насъ онѣжь!“

Лишь грубому не нуженъ вскрикъ: „Онѣжь!“
Ему, пожалуй, даже ближе брешь,
Чѣмъ цѣлостность; ему, пожалуй, голодь
Отраднѣе чѣмъ сытость; онъ и молодъ
По своему: вскормилъ его мятежь,
И отъ рожденъя грубый весь расколоть.

Ужасный вѣкъ: онъ цѣликомъ расколоть!
Ему смѣшно сердечное: „Онѣжь!“
Онъ, дикій вѣкъ, онъ самъ сплошная брешь.
Его мятежь — разбойничій мятежь.
Онъ съ дѣтства старъ, хотя лѣтами молодъ,
И вскормленъ имъ царь людоѣдовъ — Голодь.

Но онъ умереть обжора жирный Голодь,
Кѣмъ духъ людской искусственно расколотъ!
И я, и ты, и каждый будетъ молодъ!
И ужь не мы судьбѣ, она: „Онѣжь!“
Воскликнетъ намъ. Мы замуравимъ брешь,
И противъ грабежа зажжемъ мятежь!

Секстина VI

Эстонія, страна моя вторая,
Что патриоты родиной зовуть,
Мнѣ принесла всё достоянье края,
Мнѣ создала безоблачный уютъ,
Меня отъ прозы жизни отрывая,
Давъ сладость идиллическихъ минутъ.

„Вкуси восторгъ чарующихъ минутъ
И не мечтай, что будетъ жизнь вторая;
Пей жадно радость, усть не отрывая;
И слушай, какъ лѣса тебя зовуть;
Ступай въ зеленолиственный уютъ,
Пріявшаго гостепріимно края.

Быть можетъ, подъ луной иного края
Когда-нибудь ты вспомнишь пѣснь минутъ,
Тебѣ дававшихъ благостный уютъ,
Вздохнешь, что гдѣ-то родина вторая,
Которую Эстоніей зовуть,
Влечётъ тебя, отъ юга отрывая.

Тогда приди, въ мечтахъ не отрывая
Любви ко мнѣ, отъ пламеннаго края
На сѣверъ свой, гдѣ всё своимъ зовуть
Тебя, поэтъ, чарунъ святыхъ минутъ:
Вѣдь творчество твое, какъ жизнь вторая,
Даетъ намъ сказку, счастье и уютъ.“

Благословенъ Эстоніи уютъ,
Который, отъ Россіи отрывая
Благочестивою душою края,
Какъ мать, какъ сонъ, какъ родина вторая,
Соткалъ гамакъ качелящихъ минутъ.
Минуты тѣ! ихъ творчествомъ зовуть . . .

Но чу! что слышу я? меня зовутъ
Къ оружію! Прости, лѣсной уютъ,
И вы, цвѣты сиреневыхъ минутъ,
Простите мнѣ! Бездушно отрывая
Отъ васъ, отъ милыхъ мнѣ, за цѣлость края
Жизнь требуетъ мою страна вторая . . .

Секстина VII

Здѣсь въ крымскую кампанію жилъ Фетъ —
Въ Эстляндіи приморской, прибалтійской;
Здѣсь Сологубъ, плѣнительный поэтъ,
Жилъ до войны съ Германіей царійской;
Здѣсь я теперь живу, почти семь лѣтъ
Знакомый съ нею, милою и близкой.

Здѣсь жилъ Бальмонтъ — въ странѣ, къ Россіи
близкой,

Здѣсь Брюсовъ былъ, изысканный какъ Фетъ,
Здѣсь лейтенантъ Случевскій, въ цвѣтѣ лѣтъ,
Пѣлъ красоту природы прибалтійской,
Но, посланъ въ бой по волѣ злой царійской,
У береговъ японскихъ палъ поэтъ.

Не для боевъ рождается поэтъ,
А для души, его напѣву близкой . . .
Лишь произволь убійственный царійскій
Могъ посылать такихъ пѣвцовъ, какъ Фетъ,
Въ отряды! . . . Но хранилъ край прибалтійскій
Талантливыхъ людей въ расцвѣтѣ лѣтъ.

Тому назадъ уже тринадцать лѣтъ,
Какъ у Цусимы смерть нашомъ поэтъ,
На „Александрѣ III-мъ“ прибалтійскій
Край бросившій, воспѣвшій Ревель, близкій
Своей душѣ. Привѣтъ его, о Фетъ,
Въ обители надсолнечно-царійской!

Царизмъ земной отринувъ, лишь царійскій
Небесный рай я признаю, гдѣ лѣтъ,
Какъ и мгновеній, нѣтъ, гдѣ живъ поэтъ,
Кто-бъ ни былъ онъ: Случевскій или Фетъ, —
И вотъ теперь, къ своей кончинѣ близкій,
Я рай пою, живя въ странѣ балтійской.

Цвѣти же, край — эстонскій, прибалтійскій,
Отвергнувшій строй низменный, царійскій :
Моей душѣ ты родственный и близкій !
Цвѣти же, край, десятки, сотни лѣтъ
И помни, что мечталъ въ тебѣ поэтъ,
Такой поэтъ, какъ несравненный Фетъ !

Секстина VIII

Мой домъ стоитъ при вѣздѣ на курортъ
У кладбища, у парка и у поля.
Онъ свиду простъ, но мною домъ мой гордъ:
Онъ чувствуетъ — тамъ, гдѣ поэтъ, тамъ воля.
Въ немъ за аккордомъ я беру аккордъ,
Блаженствуя, мечтая и короля!

Привыкни, смертный, жить, всегда короля,
И въ каждой деревушкѣ видь курортъ,
Буди въ своей душѣ цвѣтной аккордъ,
Люби просторъ и ароматы поля, —
И, можетъ быть, тебя полюбить воля,
И будешь ты ея любовью гордъ.

Безличный рабъ — и вдругъ ты будешь гордъ,
Средь окружающихъ рабовъ короля! . . .
Познаешь ли, что означаетъ воля? . . .
Не превратишь ли въ свальный ровъ курортъ? . . .
Не омерзишь ли дѣвственнаго поля? . . .
Не соберешь ли ругань всю въ аккордъ? . . .

Аккордъ аккорду рознь. Звучи, аккордъ
Лишь тотъ, что упителенъ и гордъ:
Аккордъ лѣсовъ, ручьевъ, морей и поля!
Надъ толпами властительно короля,
Озвучь своимъ бряцаніемъ курортъ
И покажи, какъ сладкозвучна воля!

Да здравствуетъ всегда и всюду воля
И вольный, волевой ея аккордъ!
Кто слушалъ пѣсню воли, будетъ гордъ.
Пусть вольные сберутся на курортъ,
Надъ плотью духомъ солнечно короля,
Свободу растворяя въ волѣ поля.

Не оттого ли и мой домъ у поля,
Гдѣ на просторѣ поля бродить воля?
Не оттого-ль душа моя, короля,
Берѣтъ свободный огненный аккордъ?
Не оттого-ль моимъ воспѣтьемъ гордъ
И мной самимъ заброшенный курортъ? . . .

Секстина IX

Двѣ силы въ мѣрѣ борются отвѣка:
Одна — Духъ Тьмы, другая — Свѣтлый Духъ.
Подвластна Силамъ сущность человѣка,
И цѣликомъ зависить онъ отъ двухъ.
И будь то Эсмеральда, иль Ревекка,
У нихъ всё тогъ-же двойственный пастухъ.

На пастуха возсталъ другой пастухъ.
Для ихъ борьбы имъ не хватаетъ вѣка.
Для Эсмеральды точить ножъ Ревекка —
То ею управляетъ Злобный Духъ.
Когда-жъ побѣда лучшей силъ изъ двухъ,
Тогда прощаютъ люди человѣка.

Что выше — оправданья человѣка?!
Когда блюдетъ стада людей Пастухъ
Въ одеждѣ бѣлой, грѣшницы, изъ двухъ,
Оправданными будутъ обѣ: вѣка
Отрада и надежда — Свѣтлый Духъ,
И какъ ты безъ него жила-бъ, Ревекка?

Нѣтъ, ты не зла: злыхъ вовсе нѣтъ, Ревекка,
Но горе причинить для человѣка
Тебѣ легко: такъ хочетъ Черный Духъ . . .
Но Свѣтозарный не уснулъ Пастухъ:
Онъ зло твое разсѣялъ вихремъ вѣка, —
И ты невинна, какъ дитя лѣтъ двухъ.

Но такъ какъ ты во власти грозныхъ двухъ
Великихъ Силъ, ничтожная Ревекка,
Но такъ какъ ты и обликъ человѣка
Имѣешь, данный Силами, то вѣка
Тебѣ не передѣлать: Злой Пастухъ
Въ тебя опять вмѣщаетъ грѣшный духъ.

Издравле такъ. Но будетъ день — и Духъ
Въ одеждѣ солнца и луны, изъ двухъ
Планетъ сотканной, встанетъ, какъ Пастухъ
И Духа Тьмы, и твой, и всѣхъ, Ревекка!
Господь покажетъ взору человѣка,
Что покоренъ Бунтующій отвѣка! . .

Секстина X

Мнѣ кажется, что сердце бiандрiи,
Идейной бiандрiи, — виноградъ.
Оно стремится въ зной Александрiи,
Лѣдъ Мурмана въ него вмѣстится радъ.
Ему отраденъ запахъ малярiи,
Ему набатны оргiи трибадъ.

Влiянье винограда на трибадъ,
Какъ и на сердце пламенной бiандрiи,
Утонченнѣй мiазмовъ малярiи.
Да, въ ихъ тѣлахъ блуждаетъ виноградъ,
Онъ опьяняетъ безумствующихъ радъ
Экваторьяльностью Александрiи.

Причинъ не мало, что въ Александрiи
Гораздо больше чувственныхъ трибадъ,
Чѣмъ въ Швеци: способствовать имъ радъ
Тамъ самый воздухъ. Но для бiандрiи
И выльденный шипучiй випоградъ
На сѣверѣ — намѣкъ о малярiи . . .

Въ Батумѣ, тамъ, гдѣ царство малярiи,
Гордятся пальмы, какъ въ Александрiи,
У рошъ лимонныхъ вьется виноградъ,
Зоя къ себѣ мечтанiя трибадъ.
Онъ, родственнiй инстинктамъ бiандрiи,
Припасть къ колѣнямъ, льнущимъ къ страсти, радъ.

О, какъ туристъ бываетъ ярко радъ,
Когда ему удастся малярiи
Избѣгнуть, или зной въ Александрiи
Умѣрить льдянымъ взоромъ бiандрiи
Кокетливой, иль въ хохоткѣ трибадъ
Пить вышущiй поляремъ виноградъ . . .

Не для мужчинъ трибадинъ виноградъ, —
Его вкусивъ, не очень будешь радъ:
Въ немъ смѣхъ издѣвный дѣвственныхъ трибадъ . . .
Страшись и бiандрiиной малярiи,
То вѣющей огнемъ Александрiи,
То — холодомъ распутной бiандрiи . . .

ЛѢ III

Покаранъ міръ за тягостныя вины
Свои ужаснѣйшей изъ катастрофъ:
Въ крови людской цвѣтуція долины,
Орудій штормъ, и груды мертвецовъ,
Развалъ культуры, грозный крахъ науки,
Искусство въ угнетеніи, слезы, муки,
Царь Голодъ, и процессіи гробсвъ.

Царь Голодъ и процессіи гробсвъ,
Пиръ хамовъ и тяжелыя кончины,
И притѣсненье солнечныхъ умовъ,
И танки, и ньюпоръ, и деппелины,
И дьяволъ, учредившій фирму Круппъ,
Испанская болѣзнь, холера, крупъ —
Всѣ бѣдствія, при томъ не безъ причины...

Всѣ бѣдствія, при томъ не безъ причины:
Огъ дѣяній, отъ мыслей и отъ словъ.
Еще порхають ножки балерины,
Еще не смолкли вѣтерки стиховъ,
Еще звучать цвѣтенія сонаты,
Еще воркуютъ сладко адвокаты, —
А міръ пріять конецъ уже готовъ.

Да, міръ пріять конецъ уже готовъ
Въ когтяхъ нечеловѣческой кручины,
Предъ суднымъ ликомъ массовыхъ голговъ
И предъ разверстой пропастью трясинъ.
Но жизнь жива, и значить — будетъ живъ
И грѣшный міръ — весь трепеть, весь порывъ!
Онъ будетъ жить, взнесенный на вершины!

Онъ будетъ жить, взнесенный на вершины,
Въ благоуханномъ шелестѣ дубровъ,
Въ сіяньи солнца, въ звукахъ мандолины,
Въ протяжномъ гудѣ сѣверныхъ вѣтровъ,
Въ любви сердець, въ изнѣжии малины,
Въ симфоніяхъ и въ мѣди четкихъ строфъ.
Міръ исполнѣнъ, — безсмертны исполины!

Мірѣ исполинѣ, — безсмертны исполины!
Онъ будетъ до скончанія вѣковъ
Самимъ собой: тенеты паутины
Ему не страшны — богу изъ боговъ!
Да здравствуетъ во-вѣкъ величье міра!
Да славить міръ восторженная лира!
Да будетъ міръ и радостенъ, и новъ!

Да будетъ міръ и радостенъ, и новъ!
Греми, оркестръ! Цвѣтите, апельсины!
Пылай, костеръ! Я слышу жизни зовъ!
Передъ глазами — черныя картины,
И дали вѣютъ свѣжестью морской.
Но помни впредь, безбожный родъ людской:
Покаранъ міръ за тягостныя вины.

Покаранъ міръ за тягостныя вины:
Царь Голодъ и процессіи гробовъ —
Все бѣдствія, при томъ не безъ причинъ,
И міръ пріять конецъ уже готовъ.
Но будетъ жить, взнесенный на вершины,
Мірѣ исполинѣ, — безсмертны исполины!
Да будетъ міръ и радостенъ, и новъ!

ЛѢ IV

Нѣтъ табаку, нѣтъ хлѣба, нѣтъ вина, —
Такъ что же есть тогда на этомъ свѣтѣ?!
Чье нерадѣнье, лѣнность, чья вина
Поймали насъ въ невидимыя сѣти?
Надолго-ль это? близко ли исходъ?
Какъ будетъ реагировать народъ? —
Вопросы, что тоскуютъ объ отвѣтѣ.

Вопросы, что тоскуютъ объ отвѣтѣ, .
И даль, что за туманомъ не видна...
Не знаю, какъ въ народѣ, но въ поэтѣ
Вздражала раздраженная струна:
Цари водили войны изъ-за злата,
Губя народъ, а намъ теперь расплата
За ихъ проступки мстительно дана?!

За ихъ проступки мстительно дана
Намъ эта жизнь лишь съ грѣзой о кларетѣ...
А мы молчимъ, хотя намъ и ясна
Вся низость ихъ, и ропщемъ, точно дѣти...
Но гдѣ-же возмущенье? гдѣ протестъ?
И отчего несемъ мы чуждый крестъ
Ни день, ни годъ, — а нѣсколько столѣтій?!

Ни день, ни годъ, а цѣлый рядъ столѣтій
Мы спины гнемъ. Но близится волна
Слякнѣ нашихъ мыслей, — тутъ еи плети,
Ни аресты, ни пытка, что страшна
Лишь малодушнымъ, больше не помогутъ:
Мы уничтожимъ Произвола догматъ, —
Намъ молодость; смерть старымъ суждена.

Намъ молодость. Смерть старымъ суждена.
Художникъ на холстѣ, поэтъ въ сонетѣ,
Въ кантатѣ композиторъ, кѣмъ звучна
Искусства гамма, репортеръ въ газетѣ,
Солдатъ въ походѣ — всѣ, кому нѣжна
Такая мысль, докажутъ пусть всѣ эти
Свою любовь къ издѣльямъ изъ зерна.

Свою любовь къ издѣльямъ изъ зерна
Докажетъ пусть Зизи въ кабріолетѣ:
Она всѣмъ угнетаемымъ вѣрна.
Такъ пусть найдетъ кинжальчикъ на колетѣ
И броситъ на подмогу бѣдняку,
Чтобъ онъ убилъ въ душѣ своей тоску
И радость въ новомъ утвердилъ завѣтъ.

Такъ радость въ новомъ утвердилъ завѣтъ
И старъ, и малъ: мужъ, отрокъ и жена.
Пусть въ оперѣ и въ драмѣ, и въ балетѣ
Свобода будетъ впредь закрѣплена:
Пускай искусство воспоетъ свободу,
И слѣдующій вопль нашъ канетъ въ воду:
„Нѣтъ табаку, нѣтъ хлѣба, нѣтъ вина!“

Нѣтъ табаку, нѣтъ хлѣба, нѣтъ вина —
Вопросы, что тоскуютъ объ отвѣтъ.
За „ихъ“ проступки мстительно дана, —
Ни день, ни годъ, а цѣлый рядъ столѣтій, —
Намъ молодость: смерть старымъ суждена!
Свою любовь къ издѣльямъ изъ зерна
Пусть радость въ новомъ утвердитъ завѣтъ.

Лѣ V

Они придуть — ни эти и ни тѣ,
Тѣ, что живутъ теперь и прежде жили,
А новые, кто преданъ Чистотѣ,
Съ лазурью въ каждой венѣ, въ каждой жилѣ.
Безвраздныя, не знающіе смуть,
Незлобиво-прекрасныя, — придуть,
Чтобъ мы при нихъ глаза свои смежили.

Чтобъ мы при нихъ глаза свои смежили
И отошли, погрязшіе въ тщетѣ,
Въ свой смертный сонъ, чтобъ больше не вражили
Въ уродствѣ, злѣ, грязи и нищетѣ.
Мы имъ уступимъ мѣсто на планетѣ,
И наши торжествующія дѣти
Возгрянутъ гимнъ добру и красотѣ.

Возгрянутъ гимнъ добру и красотѣ,
Зло побѣдятъ единодушно, или
Не будутъ вовсе жить, въ своей мечтѣ
Узрѣвшіе лазоревыя были.
Плѣнительнымъ и легкимъ станетъ трудъ,
Все лучшее себѣ они возьмутъ,
И забожать, какъ дѣды не божили.

И забожать, какъ дѣды не божили,
Грядущіе, со взоромъ къ высотѣ
Направленнымъ, съ которымъ подружили
Луна и звѣзды въ свѣтлой темнотѣ.
Они отвергнутъ спешное гурманство,
Они воздвигнутъ культъ вегетарьянства,
И будутъ жить въ священной простотѣ.

И будутъ жить въ священной простотѣ,
Служа ни звѣрской, дерзкой, мерзкой силѣ;
А духу своему, пѣть о Христѣ,
О томъ, какъ мы Исуса поносили
Въ своей безчеловѣчной пустотѣ,
Пѣть о Его расколмленной могилѣ,
Пѣть о Христовомъ подвижномъ крестѣ.

Пѣть о Христовомъ подвижномъ крестѣ
Могли-бъ и мы, пока еще мы были
Безгрѣшными, пока на животѣ
Не ползали и не глотали пыли.
Но нѣтъ: мы тѣмъ сіянье предпочли,
Погрязли въ злобной тинѣ и пыли,
О томъ, кѣмъ быть могли, мы позабыли.

О томъ, кѣмъ быть могли, мы позабыли,
Предавшись сладострастью, клеветѣ
И всѣмъ земнымъ грѣхамъ, — мы утаили
Въ себѣ нашъ духъ, въ своей неправотѣ.
Пусть насъ, разнузданныхъ, безъ устрашенья,
Простить за дѣянья и прегрѣшенья
Они придуть — ни эти и ни тѣ.

Они придуть — ни эти и ни тѣ,
Чтобъ мы при нихъ глаза свои смежили,
Возгрянуть гимнъ добру и красотѣ
И забожать, какъ дѣды не божили.
И будутъ жить въ священной простотѣ,
Пѣть о Христовомъ подвижномъ крестѣ,
О томъ, кѣмъ быть могли, мы позабыли.

Финаль

Кончается одиннадцатый томъ
Монхъ стиховъ, поюшихъ о бываломъ,
О невозвратномъ, сказочномъ, о томъ,
Что пронеслось крылатымъ карнаваломъ.

Не возвратитъ утраченныхъ усладъ
Въ любви, въ искусствѣ, въ *soigée*, въ ликерахъ, —
Во всемъ, во всемъ!.. Заплачьте, и назадъ
Смотрите всѣ съ отчаяньемъ во взорахъ.

Пусть это все — игрушки, пустяки,
Никчемное, ненужное, пустое!..
Что до того! дни были такъ легки,
И въ нихъ таилось, нѣчто дорогое!

Любили мы любовь и пикники,
И души винъ и женщинъ тонко знали.
Вначалѣ повстрѣчали насъ вѣнки,
И поношенье хамское — въ финалѣ.

Мы смѣли жить!.. мы смѣли отдавать
Чаруйный долгъ великолѣпной модѣ,
Не утомясь молитвенно мечтать
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ

Вамъ „новымъ“, вамъ „идейнымъ“ не понять
Ажурности „ненужнаго“ былого:
На вашихъ лбахъ — бездарности печать
И на устахъ — слухъ рѣжущее слово!..

Конечно, я для васъ „аристократъ“.
Котораго презрѣть должна *Рассея*... —
Поэтъ, какъ Дантъ, мыслитель, какъ Сократъ, —
Не я-ль достигъ въ искусствѣ апогея?

Но будетъ день, — и въ русской головѣ
Забродятъ снова мысли золотыя,
И памятникъ воздвигнетъ мнѣ въ Москвѣ,
Изживъ „Рассею“, вѣчная Россія!

Интродукція	7
Устрицы	8
Ликеръ изъ вервѣны	9
При свѣтѣ тьмы	10
Фанатики изборовъ	11
Морефея	12
Бѣлый трансъ	13
Луннице блики	14
Чары Лючинь	15
Образъ прошлаго	16
У окна	17
Цвѣты, какъ крылья	18
Дизэль I	19
Дизэль II	20
Кэнзель XI	21
Кэнзель XII	22
Газэлла IV	23
Газэлла V	24
Газэлла VI	25
Газэлла VII	26
Газэлла VIII	27
Рондо XIX	28
Рондо XX	29
Рондель XV	30
Сонетъ XXX	31
Баллада XXI	32
Баллада XXII	33
Баллада XXIII	34
Баллада XXIV	35
Баллада XXV	36
Квинтина I	37

Квинтина II	38
Квинтина III	39
Квинтина IV	40
Лэ I	41
Версеuse сирени	43
Послѣдніе зеленые листки	44
Пора безжизнія	45
Предвешняя элегія	46
Это явь или греза?	47
Музѣ музыкъ	48
Элегія изгнанія	49
Восемнадцатый вѣкъ	53
Сонетъ XXIX	54
Газэлла IX	55
„Самарскій адвокатъ“	56
„Александръ IV“	57
Крашенные	58
Влюбленные въ поэтику	59
По справедливости	60
Теффи	61
Памяти Н. И. Кульбина	62
Судьба Таси	63
Лососья идиллія	64
Кондитерская дочь	65
Въ роли рикши	66
Квинтина V	67
Лэ II	68
У гейшъ	70
Поэза Упадка	73
Борису вѣрину	76
Отходная Петрограду	77

Конечное Ничто	78
Монологъ императрицы	79
Къ воскресенью	80
Во имя искусства	81
Газэлла X	82
Секстина IV	83
Секстина V	85
Секстина VI	87
Секстина VII	89
Секстина VIII	91
Секстина IX	92
Секстина X	93
Лэ III	94
Лэ IV	96
Лэ V	98
Финалъ	100